

Алексей Амелин

Покой жителей Верно

<https://litres.ru/74643327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тихая, размеренная жизнь островитян нарушена некоей чудной напастью. Начавшись как анекдот, история оборачивается большим приключением, в коем устный почтальон Той многое узнаёт о прошлом острова и активно участвует в определении его будущего. Фантастика здесь такая околонуточная, почти объяснимая рационально. Будут горы и пещеры, научные диспуты и нелепые ситуации, тёмные тайны и неожиданные открытия. И, конечно, не обойдётся без верных друзей и прекрасных дам. Изложено простым, удобным языком, интересно будет и подростку и глубоко взрослому читателю.

Алексей Амелин

Покой жителей Верно

Верно

В городе Верно давно ничего не случилось.

Граждане уже начинали волноваться: к чему бы это подозрительное затишье? может судьба готовит Верно к чему-то страшному, роковому? или просто – такая скучная жизнь будет теперь всегда, потому что у Богов, у судьбы, или у самих людей вдруг кончилась фантазия?

Мерное однообразие смешало дни в некое смутное, никак неопределённое время – время ожидания – ожидания «хоть чего-нибудь».

Ни что в городской жизни не привлекало внимания – всё шло как всегда, за исключением лишь того что раньше всегда что-нибудь было не так, а теперь, совсем как всегда.

Люди старались цепляться хоть за что-то: пытались найти, больший чем есть, смысл и удовольствие в простых каждодневных заботах, старательно множили вздорные слухи, силились припомнить старые сказки и вчерашние сны. Из-за отсутствия новостей, собеседникам приходилось вспоминать совсем уже давние события, а иной раз, вовсе выдумывать чёрт знает что. Но как бы граждане не фантазировали, бесконечно перевирая прошлое, нынешний недостаток со-

бытий невозможно было восполнить.

Раньше в таверне постоянно обсуждали новые происшествия – живые, полные подробностей хитросплетения обстоятельств. Такие нарочно не придумашь. А теперь: кто-то с отчаянной надеждой смотрел вдаль; кто-то с тревогой вглядывался в небо; а кто-то попросту врал взахлёб, то ли со скуки, то ли для самоуспокоения.

Горожане истощали винные погреба, но вино радует, когда есть о чём говорить... Иные выходили к проезжему тракту, расспросить путников про их чужедальные дела, да путники почему-то проходили всё реже, вести несли несвежие и мало. Может и в других частях Острова та же напасть?

Даже погода нынче стала какой-то невыразительной: ни холодно, ни жарко, солнца и облаков всегда в меру, ни гроз, ни штормов, и если дождь, то не ливень, а так – моросит невнятно.

И, может жители от скуки уже потихоньку сходили с ума, но многие, кому ночами не спалось, утверждали, что якобы ветер, иной раз, приносит с Горы какое-то нудное, монотонное, бесконечно повторяющееся эхо.

Иные посмеивались: «Гора наша, видать простыла на ветру и кашляет». Но многие верили: «Дракон там, в глубине ворочается». А Маленький Йоза вышел сегодня, как у него по утрам водится, на балкон, глотнул из обычной своей фляги, и изрёк: «Про Дракона – всё байки никчёмные, а я знаю – это сама Гора подкрадывается ночью к городу, смотрит на

нас сверху и хохочет».

Кто знает, может в тихую ночь слышно шум горных рек, или это отголоски камнепадов? Ясно только, что «хохот» этот людям не нравился и вводил их в ещё большее уныние и тревогу.

Городской глава Тано Ульм не любил действовать вопреки традициям, не по плану и торопясь, но сейчас понимал: «самое время уже что-то предпринять».

Совет

В ратуше собрали совет в его неизменном составе: Пастор Монг смиренно сложил руки и закатил глаза, будто в ожидании немедленного чудесного избавления от нынешней напасти; начальник полиции Петерсон строго зыркал по сторонам, будто в поисках виноватых; от лица науки присутствовал аптекарь Кёрн с чемоданчиком полным всевозможных стекляшек; а от лица городской общественности – семь старейшин, способных по любому случаю привести пару-тройку наиболее показательных примеров из прошлого.

Глава города выразил собравшимся своё глубочайшее почтение, озвучил насущную повестку и заверил в готовности выслушать всех, у кого есть хоть какое-то представление «как вернуть покой жителям Верно».

Однако присутствующие с предложениями не спешили. Уже около минуты Тано восседал в своём кресле за мас-

сивным резным столом в ожидании остроумных и глубоко-мысленных инициатив. Неизменный Тано, занимавший свой пост с незапамятных времён, знающий наизусть и в подробностях всю городскую канализацию, всегда умеющий разрешить принципиальные политические разногласия перепившей и недопившей стороны, неспешный и немногословный, он всем своим видом показывал что сегодня без решения разойтись нельзя.

Монг бормотал что-то себе под нос и шарил взглядом по потолку, то ли в поисках знаков свыше, то ли сомневаясь в надёжности конструкций. Петерсон нахмурился и положил руку на большой деревянный свисток (с давних пор уже полиция в этих краях другого оружия не держала). Кёрн поглядывал то на свой чемоданчик, то на старейшего из старейшин, коего привели сюда под руки. Все помалкивали. Тано перевёл свой вопросительный взгляд на старейшего – старейший затрясся, будто бы в отрицательном жесте. Прочие старейшины засовещались меж собой, но... только разводили руками – видимо, ничего похожего на нынешнюю странную напасть в прошлом не обнаруживалось. Тано понял: «решение придётся принимать самому». На такой случай он благоразумно запасся уже готовым, хотя по сути, лишь временным решением. Тано неспешно поднялся из-за своего помпезного стола, произвёл четыре размеренных шага и грациозно соединился с трибуной:

– Отсутствие событий – чуднАя напасть... и «хохот» этот

с Горы... Доселе со всеми бедами мы справлялись своими силами, потому как хватало нам своего ума, чтобы понять их причины. На этот раз, так полагаю, следует нам кого-нибудь отправить – разузнать, как обстоят дела в других землях. Надо бы дойти до Маяка, да и в Обсерватории поспросить... словом, как следует оглядеться и посоветоваться. А там – как пойдёт. Дело может обернуться экспедицией по всему нашему Острову, – Тано чуть было не улыбнулся, – уж где-нибудь, да знают, что нам делать.

Тано сделал небольшую паузу, больше для проформы, нежели ожидая каких-либо возражений и дополнений. «Ощупав» собравшихся внимательным взглядом, он продолжил:

– Тут мало одних только быстрых ног. Послать нужно кого-то грамотного, понимающего, но лёгкого на подъём – дорога не близкая, да и не везде есть дороги... – Тано умолк в ожидании предложений.

«Лёгкий на подъём Петерсон» приподнял бровь, и опустил уголки рта. «Более чем грамотный Монг» ёрзал и вертел головой. Кёрн сидел спокойно, зная, что без него в Верно не обойдутся. А старейшины принялись тихонько ворчать про беспутность и никчёмность нынешней молодёжи.

Тано Ульм понял: «опять решать самому». И снова у него было кое-что припасено:

– Некого нам послать... кроме Тоя, ...молод, но и грамотой владеет, и Быструю речь знает. Все книги что в городе

есть прочёл дважды. И вообще, дело для него, почтальона, самое подходящее. Через пару недель вернётся – хоть новостей принесёт, а может уже и решение готовое.

Тано, в глубине души очень довольный своим мудрым выбором, позволил-таки себе теперь этакую, умеренную, в рамках приличия улыбку.

Собравшиеся вздохнули с облегчением и несколько приободрились. Петерсон чуть было даже не хлопнул в ладоши, но вовремя замедлил жест и только судорожно потёр руки. А Монг, будто бы поправляя шляпу, незаметно вытер со лба пот. Старейшины одобрительно кивали, выказывая уверенность: «в Обсерватории всегда знают что делать» и «с Маяка конечно же будет видней».

И вот уже Тано делает знак своему понятливому секретарю. Тот призывно поднимает исписанный пергамент над головой. Тогда из полумрака залы возникает глашатай. Он быстро, но с почтением подхватывает лист и мчится, чтобы незамедлительно объявить на городской площади о только что принятом решении.

Когда заседатели вышли из ратуши, они тут же «застряли» в окружении досужих граждан – изнурённые скукой и крайне обеспокоенные нынешним положением дел жители с жадностью смаковали подробности совета. Они отчаянно надеялись, что предприятие Тоя, если и не исправит положения, так может хотя бы даст понимание происходящего, то есть «вовсе ничего не происходящего» в Верно.

Теперь оставалось только сообщить самому Тою, какое важное дело доверили ему на этот раз. Конечно, можно было за ним послать, но Тано захотелось пройтись – осенний, воскресный день, других дел сегодня у главы не было...

За Тано увязались и Петерсон с Монгом.

Такая представительная делегация привлекала внимание прохожих. Жители останавливались, смотрели с любопытством. Иные даже задавали вопросы, и тут же бежали искать – с кем обсудить услышанное.

Тано с Монгом шли, будто в танце – они активно жестикулировали, обсуждая, как лучше пройти к дому Тоя. Петерсон следовал чуть позади, покуривая трубку и легонько кивая в такт своим шагам.

Вообще, почти все перемещения на Острове производились пешим порядком. Никакого ездового и гужевого скота здесь не водилось. Где было можно – тяжёлые грузы доставлялись на лодках, во всех прочих случаях жители запрягались в свои возы сами.

Крупнейшее поселение Острова – «Верно», по меркам Большой земли – городок маленький. Но сложный ландшафт с перепадом высот, с ручьями и речушками, с множеством мостиков и лестниц делали дорогу длиннее. Облик города был соткан из весьма оригинальных и даже противоречивых мотивов – город, где дома были построены в разное время и из разного материала, выглядел как музей инженерной мысли. Вместе с тем это немыслимое многообразие было проч-

но увязано неким единым характером, некой общей идеей – все сооружения были чем-то неуловимо похожи, словно дальние родственники от мала до велика, собравшиеся здесь чтобы водить свой дружный хоровод вокруг городской ратуши. Буйная растительность и фантазия жителей превратили Верно в изящный лабиринт. Местами дома стояли так близко, что соседи, выходя поутру на свои балконы, могли поздороваться за руку. А вечером, те кому лень было выбирать-ся на улицу высовывались из окон первого этажа и заводили беседы со случайными прохожими. Такая непринуждённая беседа запросто могла затянуться до темна. Тогда из окна непременно предлагали чаю с печеньем или чего ещё... Так что каждый подоконник ближе к ночи мог стать «прилавком трактирщика».

Дом Тоя

Той жил в северной окраине Верно, где домов было поменьше, а зелени побольше. Маленькие строения в один-два этажа теснились меж буйной растительности словно грибное изобилие осенней поры. Оштукатуренные стены почти всегда украшала лаконичная ненавязчивая роспись. Под окнами процветали ухоженные клумбы. Вдоль дорожек сутулились небольшие плодовые деревья. Общий строй этого нарядного благополучия очень гармонично разбавляли старенькие заброшенные хибарки, заботливо укутанные мхом

и одичавшим кустарником.

Жилище у Тоя было скромное, но приметное. Там где каменный мост сгорбился над дорогой расталкивая высокие обочины, притаился наполовину вросший в склон маленький домишка.

Пологая тесноватая мансарда была хозяину и кабинетом и спальней: стол у окна, книги на подоконнике и на полу, кровать заваленная всё теми же книгами. Книги тут лежали везде. Часто они были заложены какими-то замысловатыми записями, изящными формулами Быстрой речи, схемами, картами, рисунками, птичьими перьями и друг другом. Можно было подумать, что хозяин читает все свои книги одновременно.

Комната внизу выглядела нежилой и служила чем-то средним между гостиной, мастерской и кладовой. Здесь, местами упорядоченно, местами как попало лежали предметы найденные Тоем во время прогулок. Причудливо сросшиеся корни, камни странной формы и цвета, сломанные замки, потерянные ключи и детали каких-то механизмов. Некоторые экспонаты давно уже украсила паутина. А иные предметы были повреждены и изменены весьма изощрённым образом – будто бы несли следы неких загадочных экспериментов. Части от самых разнообразных механизмов иной раз соединялись во что-то очень интересное внешне, но совершенно неясное по назначению. Сложные иероглифы Быстрой речи из ивовых ветвей и медной проволоки свисали с потолка и

медленно вращались под действием сквозняков. Они были устроены так, что один вращающийся знак можно было прочесть как последовательность нескольких.

Несмотря на видимый беспорядок, все эти «никчёмные лишние вещи» складывались будто бы в некий «своего рода уют».

Этой осенью обыкновенная жизнь этого странного дома, вроде бы шла своим чередом. Вот только грунт со склона последнее время стал осыпаться прямо на окно. И теперь казалось что сломанный уличный градусник, давно замерший на одной отметке, вместо погоды показывает уровень земли. Той очень любил свой старый дом и весь этот замечательней хлам, наполнявший его чуть не доверху, но смотреть в окно мастерской теперь было неприятно. Поначалу он пробовал выгребать песок, но уже чуть ли не завтра грунт вновь осыпался в том же самом количестве. В итоге Той прозвал это окно «песочными часами», и даже пробовал сверяться по нему о времени. Однако его «песочные часы» оказались чересчур подвержены влиянию погоды: влажный грунт мог подолгу держаться, а когда подсыхал – разом наваливался на окно «горой».

И вот, сегодня Той нашёлся-таки как можно, если не исправить вполне, то хотя бы отчасти изменить сложившееся неприятное положение – он снял сломанный градусник с засыпанного окна и прикрепил его к окну кабинета наверху.

Теперь Той сидел за своим столом и умиротворённо смот-

рел на сломанный градусник, который отныне показывал не что иное как уровень горизонта между взгорьем и лесами.

Вот уже около получаса Той с удовольствием убеждался что уровень горизонта всё там же, как вдруг раздался стук в дверь (звонок в доме, как и многое другое, выглядел очень интересно, но не работал). Стук был нетороплив и обстоятелен. Той в два прыжка спустился на этаж, дёрнул дверь на себя и обнаружил на уровне своего лица большую руку Тано, сжатую в кулак. Тано улыбнулся и расправил пальцы в приветственный жест:

– И постучать, ещё толком не успел... – посетовал городской глава.

Той засуетился, обустроивая приём столь важных персон. Волоча к камину дубовое кресло, он с удовольствием представлял, что за важное письмо или посылку ему придётся доставить. Он жутко истосковался по своей работе. Ведь теперь в городе новостей не водилось, и никто не спешил никого ни в чём уведомить. Гости ещё более обрадовали Тоя, объяснив, насколько далеко и надолго ему придётся отправиться на этот раз.

Тано торжественно вручил Тою написанное Быстрой речью поручительное письмо, с удостоверяющей печатью и просьбой о содействии. Монг – мешочек ароматных сухарей. Петерсон – пару крепких походных башмаков и двадцать монет.

Теперь они молча смотрели на Тоя, прикидывая, что из

этой затее выйдет. А Той выглядел обнадёживающе: улыбался, предлагал гостям чаю с печеньем и уже успел напялить один из новых башмаков.

Высокие гости тщательно обсудили наилучшие маршруты и вероятные препятствия, подробно уточнили детали предприятия, дали пару добрых советов общего характера, и по причине волнительности момента выпили весь имеющийся в доме чай.

Уже было сказано всё что только можно, по случаю и вообще, а за окном успело стемнеть, когда Тано наконец повестил:

– Однако пора нам... Да и ты тут не задерживайся. Город ждёт новостей!

Монг прослезился. Петерсон сжал Тою руку. Той заверил:

– Утром выйду, к вечеру буду у Перекрёстка. А там уж решу, куда сначала – к Маяку, или в Обсерваторию.

Засыпая, Той решил, что выйдет пораньше и завтракать будет уже в дороге, сидя под каким-нибудь раскидистым дубом, и чтобы за спиной был лес, а перед глазами поле.

Перекрёсток

К вечеру следующего дня Той уже с трудом узнавал места, но в дороге не сомневался. Когда-то в юности он добирался до Перекрёстка. Тогда Трактир на Перекрёстке представ-

лялся ему волшебным замком. Внутри безусых не пускали, и Той ходил кругом, исследуя причудливый фасад, заглядывая украдкой в окна и населяя всё видимое сказочными существами и чудесными событиями.

Вообще, в юности Той много бродил по округе – как по окрестностям самого Верно, так и по всей южной оконечности Острова. Частенько Той делал зарисовки и заметки, когда на использованных конвертах, когда на обрывках обёрточной бумаги. Потом, уже дома он формировал на их основе не очень точные, но полные изящного художества «карты окрестных земель». В Верно они пользовались успехом. Особенно у граждан солидных, коим не пристало самим шлаться где попало, а вид из окна родного и любимого дома давно наскучил. Приятно смотреть зимним вечером на висящую над камином карту и вспоминать места, где когда-то бывали, или никогда не были, но всегда хотели побывать. Поглядывая на такую карту, легко было поддерживать разговор даже с плохо знакомыми гостями. Такая карта в доме была вроде «камина греющего душу», или будто ещё одно окно – окно вдаль, в прошлое, в будущее и вовсе несбыточное.

Темнело. Но вечер был ясен, воздух прозрачен и видно было далеко. Пытливым взглядом Той мысленно прокладывал себе дальнейший путь через вновь открывающиеся пространства. Он представлял, какие мосты и ограды украсят дорогу впереди. На случай каких-нибудь новых, особо интересных конструкций у него был с собой небольшой альбом,

на половину уже изрисованный и исписанный Быстрой ре-
чью.

Той шёл с удовольствием, но ближе к ночи дорога под его ногами начала устало прогибаться и недовольно ёрзать из стороны в сторону. А ещё, в наступившей тишине всё яв-
ственной слышался тот самый «хохот» со стороны Горы.

Тою захотелось уже некоторой определённости с ужином и ночлегом.

Споткнувшись об одну памятную с детства корягу, Той понял что уже близко. Он шёл и размышлял, чего больше хо-
чет – есть, или спать. Несмотря на усталость, он старался не сбавлять ход, желая как можно быстрее убедиться, что Трактир у Перекрёстка всё ещё на своём месте. Куда идти потом, Той ещё не решил, но не зайти по дороге в Трактир, было никак нельзя. Как там потом будет в дороге... А здесь, не только приятные детские воспоминания, но и горячий ужин, холодное пиво и тёплая кровать с прохладными простынями. Да и дело обязывало Тоя заглянуть в Трактир – трактирщик, среди прочего, всегда обязан был отвечать на все вопросы посетителей и конечно должен быть в курсе всех самых рас-
последних новостей.

Той шёл и вспоминал всё, что знал об этом месте.

В детстве друзья постарше рассказывали ему про шустр-
рых и улыбчивых девушек-разносчиц, крепко прижимавших к груди разом по дюжине кружек...

А когда-то, в прошлом здесь случалось видеть и иные за-

бавы... Народ Острова в целом миролюбив, но пиво и простой люд, с его простыми грубоватыми развлечениями... В те «дикие дремучие времена» в Трактире можно было наблюдать драку! Редко из-за натуральной ссоры, обычно только соревновательно, на спор, с денежными ставками и азартными болельщиками. При этом драка всегда предварялась состязанием в питии и обжорстве, отчего последующая схватка являла собой скорее комическое представление, чем суровый бескомпромиссный поединок. Однако после одного случая кулачные бои в Трактире запретили – как-то раз старый Эб, вечно пьяный завсегдатай подобных развлечений, во время драки случайно задохся, подавившись собственной рвотой.

Так что в «нынешние просвещённые времена» мастера кулачного боя соревнуются лишь следующим образом: выходят на двор, становятся друг напротив друга, далее им подают по одному жареному цыплёнку, причём равность веса цыплят обеспечена обязательной «процедурой взвешивания»... в общем, побеждает в таком состязании тот, кто за свою «карьеру кулачника» сумел сохранить больше зубов.

Тем временем среди сосен и елей уже замелькали маленькие, жёлтые огоньки. Трактир вырисовывался в темноте зыбким силуэтом, ещё позволяя воображению дорисовывать детали, ещё позволяя считать себя волшебным замком, логовом чародея, или старым скрипучим кораблём в ночном рей-

де.

Тою казалось – дорога ведёт его прямо в детские мечты о дальних путешествиях и сказочных приключениях.

Лес поредел, и теперь Той с интересом разглядывал приоткрытые ворота двора, фонарь у крыльца, потёртую вывеску. Стали слышны, то ли некие заунывные песни, то ли монотонные неторопливые разговоры, этакие, усталые и нарастающие, под аккомпанемент позвякивающей посуды. Теперь и слепой добрался бы до Трактира. И даже глухой – по запаху.

На самом уже подходе по редколесью загулял ветерок – ворота двора распахнулись перед Тоем настезь, фонарь у крыльца замерцал, приветливо кивая гостю. Той сделал эти свои «последние шаги», мелодично скрипнул дверью и окунулся в шумок зала, полного пьяных, сытых и просто усталых людей. Волнующиеся «паруса» плотных занавесей у открытых окон и «мачты» перевёрнутых табуретов на незанятых столах окончательно убедили Тоя – «старый скрипучий корабль в ночном рейде».

Всё здесь было примерно так, как Той себе и представлял. Разве что ожидал чуть больше шума и веселья. Посетители выглядели какими-то вчерашними. Будто чересчур засиделись. Будто они тут ждут чего-то, и уже долго... а всё никак не пора. При этом на вошедшего они поглядывали с любопытством, и даже как-то... с надеждой что ли.

Той прошёл к стойке. Аппетитные запахи уплотнились настолько, что Тою подумалось: «вот сейчас надышусь ими

досыта и сэкономлю на заказе». Трактирщик крутился во все стороны, поблёскивая то посудой, то лысиной, и не переставая всё время говорить что-то подручным и гостям. Той попросил ужин. Трактирщик тут же распорядился. И пока Той искал в сонной голове нужные вопросы, трактирщик заговорил сам:

– Вижу, что из Верно... и не просто так, а с поручением.

Той хотел было удивиться, но передумал, представив как он выйдет в дорожных башмаках и с сумкой за спиной. Возраст, опять же – в самый раз для посыльного, и время прибытия – как раз такое, будто шёл весь день, выйдя утром из Верно. Так что Тою оставалось только «признаваться»:

– Всё так. С удовольствием расскажу вам о своём деле и приму добрый совет.

Той аккуратно, почти торжественно передал трактирщику поручительное письмо. В зале притихли, а самые досужие украдкой обернулись к стойке.

Той рассказал... Той любил и умел рассказывать. В Верно ему частенько приходилось служить устным почтальоном для неграмотных жителей. Он всегда умел подать даже плохую весть так, что адресат оставался в хорошем расположении. Но сейчас, шуток он добавлял в свою речь умеренно, показывая тем самым, что обстановка в Верно очень серьёзна.

Трактирщик терпеливо слушал, ни на секунду, однако, не переставая протирать кружки. А выслушав, грустно улыб-

нулся:

– Все кто идёт через Перекрёсток рассказывают одно и то же. Жалобы на отсутствие новостей, да «хохот» с Горы – вот наши единственные и всем нынче уже известные новости. И нам явно не хватит их одних, чтобы скоротать все длинные вечера этой осени, – трактирщик несколько замедлил свои однообразные движения. – Не знаю даже, что и советовать. Ничего похожего на нынешнюю напасть не припомню. Однако в былые-то времена все беды Острова так или иначе были связаны с Горой. Так может впору нынче за новостями-то уже к самой Горе и отправиться? ...только как бы эти вести не оказались дурными...

– Так уж нам, хоть каких-нибудь, – прогудел вдруг здоровенный рыбак в широкополой шляпе.

Той окинул взглядом столы. Его внимание осторожно черпало мутноватое пространство низенького зала и аккуратно выуживало сегодняшних посетителей из табачной дымки. Всё это были по большей части люди простые и неприметные, в основном рыбаки. Колоритный здоровяк в шляпе за ближайшим к стойке столом, пожалуй, начисто затмевал всех прочих.

Той поблагодарил хозяина и попросил передать с кем-нибудь записку в Верно – не отходя от стойки Той достал из своей сумки лист и кривовато вывел усталой рукой:

«Дошёл до Трактира. Здесь и всюду – та же напасть. С той лишь разницей что ближе к Горе «хохот» звучит громче.

Дальше пойду к Обсерватории».

Той поставил дату, и огляделся в поисках укромного уголка, чтобы тихо, молча, неприметно посидеть и послушать других за кружкой пива. Он выбрал столик, который сам же и не заметил поначалу – столик у самого входа, скрытый тенью от лестницы, и совсем недалеко от стойки. Отсюда хорошо просматривался весь зал, и отслеживались все входящие и выходящие. «Хорошее место для засады» – усмехнулся сам себе Той, и принялся тихонько поджидать свой ужин и... мало ли чего ещё.

Местные с приходом Тоя несколько оживились. Той с интересом прислушивался к их разговорам, и даже достал перо и бумагу на всякий случай. В глубине залы часто мелькали среди прочего слова «Гора» и «Маяк». Якобы кто-то с Маяка видел сигнальный костёр у Переправы. И вроде как это должно означать «что уже пора». А вот, что пора, куда пора – никто не знает, потому как все что-либо знавшие – это давно почившие в земле мертвецы, или вовсе уже невозможные старики «самозаточившиеся» в Обсерватории.

Той сомневался: «...в Обсерваторию, или всё же пойти сначала к Маяку – узнать толком, что там такое видели? Тогда следовало бы переписать записку...». Надо было решать. Той решил взять пива. Это было промежуточное решение, но он надеялся, что пиво придаст ему решимости для окончательного.

Пиво принесли сразу. Всё было именно так как ему ко-

гда-то рассказывали – приятного вида девица подплыла к столику с охапкой пивных кружек, изящно наклонилась к столу, будто приветствуя гостя, и как бы невзначай оставила на столе одну кружечку. Засмотревшийся на девицу Той едва успел сделать глоток, как принесли и ужин. Той с удовольствием убедился, что рыба прожарена и картошка не подгорела, и сделал второй глоток.

Управившись с ужином, он вновь придался своим сомнениям.

Той осторожно отхлебнул из большой деревянной кружки: «пойти сначала к Маяку, оглядеться, узнать у Смотрителя во всех подробностях обо всём что он видел за последний месяц...». Той глотнул ещё: «...Обсерватория... те смотрят в основном только на небо, но поведать могут о многом... и о прошлом, и о насущном, а иной раз знают и кое-что наперёд». Той потягивал пиво, отмеряя глотками аргументы в пользу того или иного направления. Он скрупулёзно подсчитывал глотки, но под конец сбился и допил одним махом.

Той чувствовал – время уже позднее, а не приняв решения по поводу завтрашней дороги, ему сегодня не заснуть. Чтобы на этот раз не сбиться со счёта, он решил взять сразу две – «Маяк» и «Обсерваторию».

Разговоры в зале поутихли, кружки мерно постукивали по столам. Какой-то заснувший на столе рыбак невнятно бормотал что-то вроде «...угощайся дорогой – отрезай сыр от колбасы...». Той с улыбкой кивнул спящему и в очередной

раз приложился к «Маяку».

Между тем пиво в обеих кружках заканчивалось. Выходило какое-то неубедительное преимущество в пользу Маяка. Той всё ещё сомневался: «Маяк... Взять ещё кружечку?.. Нет... – пойду завтра в Обсерваторию! ...А насчёт "взять ещё кружечку" ... – тут надо ещё подумать...».

Задремавший Той очнулся, услышав как скрипнула дверь Трактира.

Едва человек вошёл, как весь Трактир загудел – раздались протяжные возгласы, посетители вовсю тарачились и яростно шушукались, кивая в сторону позднего гостя.

Все зрячие сразу определили в вошедшем искателя. Его сумка с множеством отделений и карманов была плотно набита внутри, и густо обвешана снаружи. Диковинные приборы и инструменты завораживали местных ротозеев. Один из приборов расположился прямо на лице гостя – на его носу повисло маленькое коромысло с круглыми стекляшками. Той был уже знаком с подобными приспособлениями – в Верно такое носил один из старейшин и аптекарь Кёрн. А вот местные рыбаки могли и не знать назначения даже этого, не слишком-то мудрёного прибора.

Тем временем интересный гость замер не доходя до стойки, легонько наклонил своё «коромысло» и «опрокинул» в трактирный сумрак внимательный, пыливый взгляд.

Тою представлялось, что эта «ходячая лаборатория» спо-

собна выпарить и выцедить нечто новое и интересное там, где любой другой, только зевнул бы да пожал плечами. И вот Той поймал момент когда взгляд искателя случайно коснулся его «засады» и поспешил поднять руку в приветственном жесте:

– Сердечно прошу составить мне компанию! С меня пиво и интересный разговор!

Искатель смерил Тоя взглядом, кивнул, будто бы не ему, а каким-то своим соображениям, затем решительно проследовал к столику и молча расположился, «усадив» свою поклажу на второй свободный стул. Уставший искатель видимо понимал: вскоре местные рыбаки, охотники и прочие простаки будут его, как редкую дичь, «загонять досужими вопросами». И чтобы не обидеть, придётся отвечать – терпеливо и как можно более доступным образом. Он надеялся только, что начнут не сразу, дадут время утолить жажду и голод. При этом Той не был похож на рыбака. Искатель мог надеяться, что в лице Тоя он найдёт хотя бы более-менее понимающего собеседника.

Дождавшись, пока искатель расположится поудобней, Той представился, и с ходу сообщил – откуда и по какому делу следует.

Искатель поправил очки:

– Ингмар, предпочитаю светлое, следую к Маяку.

– Теперь и я знаю, что к Маяку иду! – обрадовался Той. Сегодня «Обсерватория сама пришла к нему». И значит те-

перь можно выяснить у сведущего попутчика всё что знают о нынешней напасти в Обсерватории, и затем уже, уверенно следовать к Маяку. И тогда там, на Маяке Тою уже непременно «будет видней».

Однако Той не хотел сразу досаждать Искателю своими вопросами. Он планировал, как минимум – уговориться с Ингмаром чтобы обстоятельно побеседовать завтра утром, на свежую голову, а как максимум – вплоть до самого Маяка идти вместе, и тогда уж, по дороге – узнать как можно больше.

Когда Ингмару принесли его пиво, они брякнули кружками, сделали по большому глотку, и Той аккуратно выложил на стол карту Острова, сделанную им собственноручно на основе старых пожелтевших рисунков из городской библиотеки и рассказней бывалых охотников. Ингмар сначала коснулся карты лишь взглядом. Затем осторожно взял в руки. Искатель некоторое время внимательно всматривался в детали, и вскоре, к радости Тою предложил:

– Можно к Маяку пойти вместе. Карта твоя мне понравилась – будет интересно сравнить её с той, что дали мне в Обсерватории. По дороге и сам кое-что спрошу, и на твои вопросы отвечу...

Тою удалось сдержать свою отчаянную радость в рамках приличий – он только сжал губы, выпучил глаза, стукнул своей кружкой по кружке Ингмара, сделал большой, выразительный глоток и пробормотал, будто даже не Ингмару, а

самому себе:

– Записку мою, ту что у трактирщика оставил, надо будет переписать...

Теперь, когда «завтрашние перспективы» несколько прояснились, уставшие и хмельные «компаньоны» с любопытством прислушивались к «сегодняшней» болтовне рыбаков. Тем более, что с приходом Ингмара местные заметно оживились:

– ...Да все знают – дракон там, в Горе нашей. И дракон этот, на счастье наше, всегда спит, с давних уже времён. И вот иные говорят теперь – «хохот», а как по мне – храп это евоный! Потому и трясёт Гору, и земля гудит, и в небе грохнет...

– «Дракон, дракон»... Нешто видел его кто?

– И видели! ...ну не то чтобы дракона, но... кое-что...

– Да все эти ваши рассказы от пьянства в непогоду!

– А прошлой ночью нам всем одно и то же казалось?! Смех, недобрый такой... Меня тогда аж дрожь пробрала. И пол, кажись тоже трясся.

– Да это сам ты – вечно трясёшься! Иной раз и повода не ждёшь!

– Повода, говоришь, нет? Вот вы всё – «горные ручьи шумят», «камнепады», а я помню – старики всегда говорили про это самое «Логово в Горе». Да я самолично!.. и дым видел, и огонь! И звук такой... ни на что не похож, такой... вот, точно там дракон в Горе ворочается! ...то ли тесно ему уже

стало? Известно ведь – всю жизнь драконы растут. А живут так долго, что никто не знает...

– То-то и оно, что никто не знает и ни разу не видел!

«Свидетель дымов и огней» насупился и молча уставился в свою кружку. Тогда кто-то из глубины зала осторожно предположил:

– А мож он это... дракон этот... проснулся нынче, да и попросту заскучал там, в Горе этой – ровно как и мы тут давеча?

– Ну да! Одиночество дракона нашего гложет! Того и гляди в гости придёт и всё твоё пиво выжрет! – неискренне сопереживал очередной скептик.

– Ага, – поддержали его за дальними столами, – а как дракон перепьётся, ему будут рыбаки мерещиться!

Несколько последующих реплик и возгласов Той не разобрал – они потонули в поднявшемся гоготе.

Но вот, тот самый приметный здоровяк в шляпе, всё так же сидевший поблизости от стойки примирительно прогулдел:

– Ох, давайте братцы «тоску зальём». Не дракону ж оставлять?!

Рыбаки охотно откликнулись на его призыв. И Той с Ингмаром тоже сделали по глотку.

Однако это «пивное затишье» было недолгим.

– ...Да не дракон там, – заскрипел вдруг совсем седой рыбак, с бровями такими, что сошли бы и за усы, если бы рос-

ли под носом. – Там механизм особый, – он поводил руками в воздухе, – этакая «Арфа». И вот эта самая Арфа с Горой нашей на некоем мудрёном языке тихонько беседует, Гору нашу уговаривает, умиротворяет... Мне про то внучка моя в письме разъясняла. Она, как ни как, в Обсерватории обучается.

– Знаю я, про какой-такой язык ты толкуешь – «язык Ворона, Быстрой речью именуемый...». Если там, в Обсерватории всё так хорошо знают, что ж никто по сей день с Горой нашей не сладил, «хохот» этот дурной не унял?

– Видать и там не всё знают.

Собеседники то вдохновенно вторили друг другу, то перебивали с нетерпением. Реплики летели со всех сторон.

– Да что про Гору без толку судачить... всё равно никто туда соваться не решится после того что «тогда» Гора с Островом сделала.

– Это когда Гортанг с учениками ушёл в верховья?... Да-а... А сгнули-то они все из-за одного ученика непутёвого!

– Точно так! Что-то этот недоучка чудное, говорят, сотворил...

– Вот с тех пор в верховьях и непорядок! Забыл только я, как того ученика звали...

– А звали его, то ли Ориент, то ли Потивеган...

– Да двое их было! Вернее, даже трое... и третьей была баба.

– Да что толку – двое, трое... с Горой нам никогда не со-

владать!

– Всегда она нам покоя не давала, – дружно кивали бородачи.

Здоровяк в шляпе, оттопырил указательный палец и, не выпуская кружки из руки, назидательно постановил:

– С Горы-то к нам тоска наша вечерами и спускается. И поступь эта иной раз так тяжела, что и стены хибарки моей ходуном ходят – как-то ночью аж с кровати сверзился.

– А теперь, чем дальше, тем хуже будет, – подытожил седой.

Той слушал с любопытством, и пытался угадать по лицу Ингмара – какие сплетни имеют под собой основание, а какие не более чем местный фольклор. А рыбаки всё не унимались:

– ...И никуда-то нам с нашего Острова не деться...

– Иные говорят, корабль можно построить на вроде тех чужедальних, какие с Маяка через стеклянный глаз видели – такой корабль, чтоб до Материка доплыть.

– Да как же ты узнаешь, куда плыть? Моря-то вокруг много!

– А надо плыть туда, откуда чужедальные корабли видать.

– Ну «куда плыть» – решили. Шторма, рифы и чтоб припасов хватило – это ладно. Но ведь рыбаки знают – стоит только немного отплыть от рыбацкого берега, течение закрутит, завертит и понесёт на Погибельные скалы. Ведь потому и те «чужедальные корабли» приближаться к Острову наше-

му никогда не рискуют.

– ...Всё-то оно так... но может всё же доплывет до нас когда-не-то большой корабль с Большой земли?.. Ведь доплыли когда-то сюда наши далёкие предки?

– Так то дело давнее, особое – то была некая «научная экспедиция». Дело им было какое-то до этой нашей треклятой Горы. А ныне – плыть издалека, чтобы вдребезги разбить корабль о Погибельные скалы?! Плыть, зная что выжившие «счастливики» никак уже не смогут вернуться на Большую землю?! Ну, может и будет такое когда-то... Бывают такие люди, которым надо то, что никому другому не надо.

– Одному одно надо, другому иное... А вот что потом из этого всего получится?..

– ...из этого всего? Да я уже не знаю, чего и хочу!

– Если не знаешь чего хочешь, значит хочешь перемен...

Периодически Ингмар и Той переглядывались, улыбались и запивали услышанное пивом. Той кивал в сторону рыбаков:

– Ну и в шторм мы с тобой попали, смотри – как их шатает! Как в их кружках пиво волнуется!

Ингмар о чём-то задумался, глядя на свою сумку. Зато трактирщик, неожиданно возникший у их столика, расслышал Тоя и улыбнулся:

– Так ежели «море пива», тут и волнение может подняться и шторм. – Трактирщик улыбнулся чуть шире и добавил: – А это вам за счёт заведения, как новым посетителям. – Он

так резво наполнил их с Ингмаром кружки, что шипящая пена неистово полезла на волю, призывая немедленно вкушать угощение.

Оживление всё нарастало. Трактир гудел. Отдельные разговоры смешались в кипучее варево. Все говорили со всеми. Кто-то, видать уже подуставши от бесконечного пива и разговоров, ворчал:

– Эх, всё врёте и врёте...

– Да я, кроме правды, ничего в голове не держу!

И тут же вступал третий:

– Эко у тебя там тесно! А я-то иной раз и привру. Да может, наловчился уже так, что и правду тебе сбреншу?!

Реплики летели со всех сторон как сухие поленья в гудящий костёр:

– ...А можно и врать, говоря правду, если излагать без понимания.

– Ох, как бы нам тут слишком-то не забрехаться...

– Да не спиться вусмерть!

– Спиться с вашими аппетитами не удастся, погреба скоро опустеют, – бодро утешил рыбаков трактирщик, и вполголоса добавил, – ...а вот если топиться с тоски начнёте, то воды в море, пожалуй, на всех хватит.

Тут «приметный здоровяк», вдруг бросил свою огромную шляпу в потолок, обнаруживая шевелюру похожую на чёрного осьминога. Шляпа, выглядевшая много старше своего хозяина, немало уже повидавшая и привычная к его буйно-

му нраву, кротко повисла на канделябре. Тогда довольный результатом броска здоровяк взялся для убедительности за кружку и громогласно возвестил:

– Нечего нам тут отчаиваться! Как говорил сказочный король гоблинов, Фузг: «мы слабые, тупые и уродливые, но победа будет за нами»!

– И то верно! – обрадовался рыжий бородач похожий на бывалого пирата. – А даже если злосчастная Гора положит вскоре конец нашему Острову... Любое дело следует до конца доводить! И жить нам, стало быть, следует до самого рас-последнего конца этой самой нашей жизни! – с этими словами он яростно вцепился в свою кружку. – Трезвым меня Гора не возьмёт!!

– ...Ох уж этот наш «вечный праздник конца света»... – устало застонал седой рыбак.

– Конец, так конец! – балагурил здоровяк. – Жены у меня нет, детей... так просто не скажешь. А вчера сапоги в реке утопил, и табак мой отсырел. Мне теперь терять нечего!

– Если тебе нечего терять, значит ты сам потерялся.

– Да так и есть! То на чужое место сяду, то дело пустое затею, то слово нужное забуду...

– Все мы тут потерялись... – посетовал кто-то из глубины зала. – И ведь, как мал наш «большой» Остров, если с бескрайним-то Морем сравнивать! А как понять всё это? Гора, Гортанг с его «непутёвыми учениками», Арфа, дела эти давние... О чём речь – все знают. Да только слухи одни и при-

жились среди нас.

– Да, тогда, те кто понимал что происходит, себя не берегли. Если б мёртвых спросить... а живым, видать правды вовсе не досталось.

И снова со всех сторон полетело:

– ...А-а – всё что угодно можно объяснить тем что девка понравилась! ...была ж ведь там, говорят, некая Вилегва...

– ...да ведь этот-то, Ориент – по слухам, жив. И слухи эти – не какие попало. Вот у кого бы про Гору спросить!

– Тебе или мне искать того Ориента без толку. Ну найдёшь, и что?! Тут нужно понимать, о чём спрашиваешь. Тут учёного человека надобно, такого чтобы способен был всякий, самый даже мудрёный ответ воспринять.

– Да. Чтобы получить дельный совет, надо уметь задать верный вопрос.

– А-а – что говорить зря, если никто ничего толком не знает... Помню я несколько таких загадочных историй. Все они в итоге заканчивались одинаково – «ах, это оказалось не тем, чем казалось».

Вот разговоры, будто бы снова притихли.

Однако совсем ненадолго. Дело в том, что теперь местные, решили, что уже будет прилично «побеспокоить людей грамотных, может чего и понимающих в тех стародавних делах».

«Приметный здоровяк» первым приподнялся со своего места и махнул рукой лысоватому пузану:

– Идём Олаф, с умным человеком побеседуем... Ола-аф! Да что ты там всё жрёшь?!

– Ну почему жру? Кушаю! Я ж ничего такого страшного не ем, – возмутился Олаф утираясь.

– Тише, тише. Не спугни рыбу, – улыбнулся здоровяк, театрально крадучись с массивным табуретом в руках к «убежищу» Тоя с Ингмаром.

За здоровяком подтянулся и Олаф. А за ним и рыжий. И вскоре уже чуть не все сегодняшние посетители собрались вокруг Ингмара и Тоя.

Подошедшие первыми приволокли за собой стулья, прочим пришлось стоять позади сидящих. Дощатый пол натужно поскрипывал под тяжестью рыбацких сапог. Тою даже показалось, что старый трактир, будто бы накренился, и что если сейчас здоровяк поставит свою тяжёлую кружку на стол, то всё это разом перевернётся и развалится.

Здоровяк очень аккуратно поставил свою кружку на стол, извинился за беспокойство, и только затем выразил от лица собравшихся душевную просьбу – разъяснить им, людям простым да несведущим «как же всё это понимать». Ингмар «великодушно извинил людей», вздохнул и сделал большой глоток пива. Той пожал плечами в знак полной своей лояльности ко всему происходящему и приготовился внимательно слушать, как Искатель будет мудро отвечать на глупые вопросы. Про себя Той даже поразовался – «самому завтра меньше спрашивать».

– ...А вот скажи нам учёный человек, в чём-таки смысл жизни? – «забросил первым» Олаф.

– В счастье, – с готовностью сообщил Ингмар.

– Эко просто у вас выходит! – вскинулся рыжий бородач.
– Вы вот человек науки, стало быть, на всё смотрите научно. И что же тогда для вас Бог?

– Примерно то же, что и для вас – созидательное начало, основополагающая идея этого мира. Можно считать, что Бог – это мир как целое. Скорее даже так – Бог это несколько больше чем всё. И нет никакой разницы как сказать – Природа-мать, или Бог-отец. Учёные ищут знания, а не веры. Но в итоге знаем мы ровно то же, во что вы верите...

После непродолжительной дискуссии Ингмар и рыбаки сошлись на том, что дух Бога – любовь, а тело Бога – время. Опрокинув ещё по кружке, вопрос закрыли. И тут же затеяли новый разговор:

– ...Ишь ты! А вот скажем, человек-то что? Опять же – живёшь, живёшь, вдруг помирать надо... Оно конечно «другие народятся», но с мёртвым-то что?

– У нас принято считать человека стечением обстоятельств, которые организуются в конкретную частность... человек рождается и... далее происходит так называемая «жизнь»...

– Ну да! Этот научный термин мне знаком! – едва рыжий бородач проорал свою реплику, как из-под него выскользнул стул (Тою показалось, что этому поспособствовал здоровяк).

Едва бородач собрался было обидеться, как вот уже сильные руки рыбаков заботливо усаживали рыжего на своё место. А Ингмар тем временем посчитал должным закончить свою мысль:

— ...в процессе жизни человек развивается и совершенствуется. А умирая, человек разделяется на составляющие, растворяется в мире и вновь становится некой разобщённой суммой обстоятельств, результируемой из его прижизненной деятельности. ...Возможно, когда-то эти обстоятельства вновь организуются во что-то конкретное, будь то явление, объект, или опять же человек.

— Ишь, какая математика. Это на счётах не проверить. Но вроде складно выходит. Значит «сумма обстоятельств». К математике-то мы здесь не очень способны... но будем считать, что всё так.

— А точно! — заорал здоровяк. — Каждый мечтает стать кем-то, а по итогу жизни станет чем-то. Я, к примеру, стану своей старой шляпой и крепкими рыбацкими сетями. Никто не умеет вязать лучше меня! А трактирщик станет бочкой пива и прорвой анекдотов!

Здоровяк так вдохновенно солировал в хоре хохочущих рыбаков, что даже Той с Ингмаром поучаствовали во всеобщей истерии парой сдержанных улыбок.

Переведя дух, здоровяк хитро прищурился:

— Ну, братцы, поумнели мы сегодня! Всё теперь знаем! Только вот, с Горой то как? Нынче, всему Острову от неё

покоя нет! Вот и из Верно человек... мы, уж извините, слышали... И вот, я так понимаю, в Обсерватории тоже уже забеспокоились... – Здоровяк перевёл взгляд на Ингмара. – Сдаётся мне, вас не иначе как к самой Горе и послали?

Прочие местные наперебой вторили здоровяку:

– Кто энто там нашу Гору щекочет?

– Да так, что в верховьях бывает не до смеха...

– Хотелось бы знать уже, что там у вас про «хохот» ейный думают!

– Да, и когда она уже наконец заткнётся?!

Ингмар заглянул в початую кружку, потом посмотрел на свою ладонь, будто студент забывший, где спрятал шпаргалку. ...Однако что-то сказать было надо:

– Действительно, послали меня именно к Горе. Послали именно потому, что у нас тоже крайне мало понимают в происходящем. И пока, знаю я немногим больше вашего. Есть конечно версии, предположения... но... по большому счёту опирается всё на те же самые байки и домыслы, что так разгулялись здесь сегодня. Множить их сейчас нет никакого смысла. Рано пока про Гору говорить. Лучше давайте так: зайду сюда на обратном пути... наверное через месяц. В любом случае, тогда я буду знать больше. А если удастся уже и... сам весь этот вопрос решить, то будет тогда даже повод, и выпить как следует! А сегодня, не могу я больше «пить без повода» – с утра хотелось бы выйти на тракт твёрдым шагом.

Рыбаки загалдели наперебой:

– Вот ответил, так ответил!..

– ...так, что и вовсе ничего не сказал!..

– ...да-а, так только учёные люди могут!..

– ...да что там... и на том спасибо! За прямоту, и что времени на нас не пожалели!..

– ...а про обратный путь мы помнить будем!.. – улыбаясь, заверяли местные.

Когда волнение немного поутихло, первым с места поднялся здоровяк:

– Ладно, братцы, полюбопытствовали и дадим умникам отдохнуть с дороги. – Он был доволен разговором – скрипя досками и покачиваясь «старый корабль поплыл к родным берегам». «Братцы» медленно потянулись за ним, как полные улова сети за рыбацкой баркой.

Той грохнул своей кружкой по кружке Ингмара:

– Удалась твоя лекция! ... Читал я кое-что... и долгие прямые тексты, и быстрые витиеватые Песни Ворона. Однако всегда приятно, когда о самом сложном говорят предельно просто и кратко.

Когда они осушили свои кружки, Той окинул зал лёгким, лишённым претензий и фокуса взглядом:

– То ли спать пора, то ли мне этот трактир уже снится?..

***

Пасмурное и мутное поначалу утро всё более проясня-

лось. В окно комнаты Той всё настойчивей заглядывало «до-
сужее» солнце. Он вынул подушку из-под головы и водру-
зил её на себя сверху. Но вслед за солнцем через открытую
форточку полезли бестактные и назойливые скрипы и стуки
со двора. А через тонкие стены всё явственней слышались
звуки утренней возни из соседних комнат. Вчерашние «без-
дельники» теперь очень спешили покинуть насиженное ме-
сто. Видимо их гнали всяческие «неотложные дела» и «дела,
отложенные не далее как до сегодняшнего утра». Той выпу-
тался из-под одеяла и принялся собирать разбросанную по
комнатушке одежду. Ему удалось найти всё, кроме одного
носка. Натянув штаны, Той осмотрелся, призадумался, при-
слушался к своим ощущениям и явственно почуял потерян-
ный носок в правой штанине. Разобравшись с этим, он осо-
знал, что хочет пить. А допив остатки воды из походной фля-
ги, Той понял, что голоден.

Он закинул за спину сумку и спустился в зал. За их вче-
рашним столиком его поджидал Ингмар. Кажется он насла-
ждался «этими извечными рыбацкими разговорами». Той
тоже прислушался. Выходило, что «хохот» с Горы этой но-
чью был будто бы не громче обычного, а погода сегодня бу-
дет такая же как и вчера. Рыбаки у стойки бодрились, кто
чаем, кто пивом. Кто-то проверял поклажу и подсчитывал
вырученные за рыбу деньги. А иные считали своим долгом
«как следует заправиться» перед обратной дорогой. Глядя
на этих, трудно было сказать, когда они окажутся дома: се-

годня, завтра, послезавтра, или когда кончатся все деньги. А может, будут угощаться за чужой счёт до тех пор, пока за ними не придёт уставшая молчаливая женщина. Тогда бедолага будет шуметь, каламбурить, утверждать, что вообще холост и, горлопая непристойные песни, отправится домой «под конвоем».

Пока Той доедал яичницу, Ингмар наблюдал как в зале понемногу собирается, чуть ли не вся вчерашняя «команда». Самые досужие кивали им, подмигивали и приглашали угоститься пивом. Ингмар и Той раз за разом, терпеливо и вежливо отказывались. В какой-то момент Ингмар посетовал:

– А всё-таки не хочется нынче утром устраивать вторую лекцию для тех, кто вчера, во хмелю кое-чего не разобрал. Мне в Обсерватории рекомендовали зря времени не терять. По крайней мере до тех пор пока не будет уже какой-то определённости на счёт Горы.

– Это понятно. У тебя задача... дело безотлагательное – ты к Горе идёшь не ради одних только новостей... – Сам-то Той как раз очень надеялся, что им с Ингмаром хватит неблизкой дороги до Маяка, чтобы ещё раз всесторонне разобрать все научные аспекты происходящего с Островом, и уяснить почему Ингмар идёт сейчас именно к Маяку.

Ингмар тихонько поднялся из-за стола, поправил очки, уточнил свой сложный порядок в сумке и подмигнул Тою – Той, в предвкушении самого дальнего в его жизни путешествия, радостно давился чаем, торопливо расплачивался с

трактирщиком, горячо и сумбурно прощался с «самыми до-
сужими» из местных.

Ингмар и Той выходили из Трактира сопровождаемые добрыми напутствиями и взглядами полными смутных надежд.

К Маяку

Дело в том, что Остров был весь испещрён оврагами и расщелинами, холмами и скалами, небольшими но топкими болотцами, и мелкими но быстрыми речушками. От того местные тракты выглядели весьма затейливо: вдоль найденных троп – ограды из необработанного камня, в сырых низинах – деревянные настилы, над обрывами и ручьями – всевозможные мостики весьма оригинальных конструкций, а ближе к Горе – иной раз можно было обнаружить даже какой-нибудь низенький, тесный тоннель, избавляющий от необходимости штурмовать очередную неприступную гряду.

Той шёл и удивлялся «почему большинство островитян предпочитает не отходить далеко от своих селений без особой необходимости?» Сейчас, Той готов был идти уже только затем, чтобы увидеть как устроена дорога впереди.

Однако не все тропы здесь были приветливы и доброжелательны к усталому путнику. Кое-где скалы были чересчур высоки. И местами эти «чересчур» высокие скалы «чересчур» часто чередовались с глубокими ущельями и бурны-

ми реками. И как правило, на протяжении самых сложных участков, над крутыми обрывами вместо прочного надёжного моста покачивались только три стареньких ветхих каната ... а то и два.

К счастью, сейчас путь их пролегал среди заросших разнотравьем холмов.

Теперь, когда утренняя дымка рассеялась, Той с интересом изучал открывающиеся пространства и жадно всматривался в горизонт, стараясь угадать заранее, куда повернёт их тропа.

Вдалеке, на север от Трактира дыбились скалы. Утёсы напряжённо теснились в отвесных склонах и отчаянно карабкались друг по другу к надменной вершине. Всё это избыточное громадьё ревностно соперничало в крутизне и вычурности форм, а на самом уже подходе к вершине складывалось в некое подобие стопы фолиантов. Это многосложное причудливое образование островитяне и называли Горой.

Отсюда было ещё не видно, но Той знал: подобраться к Горе совсем не просто – Гора практически полностью отрезана от остальной части Острова глубочайшим разломом. Той помнил и то, что где-то на запад от Маяка есть некая «Переправа». Однако думать об всём этом пока было рано...

Сейчас, справа от Горы, где-то над невидимом отсюда Рыбацким берегом, медленно, но упрямо собирались тяжёлые тучи. Ингмар посматривал на них со всё большим беспокойством.

Теперь компаньоны шли быстро. Хотелось пройти как можно больше, пока держится погода.

Но вот уже те самые тучи угрожающе нависли над путниками. Однако дождь обошёл их стороной – его кисея понуро волочилась по ущелью между плоскогорьем и Горой.

Ко второй половине дня ветер с побережья немного растрепал густое варево туч. Просветлело, и теперь Той мог различить, пока ещё далёкий и смутный, силуэт Маяка. Той всматривался вдаль столь усердно, что временами спотыкался. Маяк вцепился в угловатый утёс восточнее Горы и с завистью таранился на её недостижимые высоты. Пока они медленно но верно приближались к Маяку, к ним всё ближе «подкрадывалась» и сама Гора. Она всё более приподымалась над лесами, будто любопытствуя: «кто там бредёт вдалеке? ...не разобрать – слишком далеко, слишком мелко и слишком медленно».

Ингмар и Той уже довольно долго шли молча. Оба думали о том, что видимо теперь везде ждут от них новостей, и оба старались припомнить и упорядочить всё, что они знают о Горе на данный момент. Периодически Ингмар «присматривал за погодой», сверяясь с каким-то маленьким округлым прибором. А Той всё чаще, одновременно с любопытством и недоверием, поглядывал на растущую впереди Гору:

– А что ты думаешь про те байки в Трактире?.. про Гору... про дракона...

– Как и в любой байке, своя доля правды во всём этом

конечно есть.

– Это я понимаю. Но сам я отделить факты от вымысла в этой «кабацкой солянке» никак не смогу.

– Если кратко, то Гора – это факт, а дракон – не факт.

– А вот если, прям так, ну очень-очень подробно?

До Маяка было ещё далеко, и на вопросы Ингмар отвечал охотно:

– Для начала уясним, что тебе уже известно. Слыхал что-нибудь о Потивегане?

– Ученик-отступник из школы Гортанга. Рассказывают, будто обладал феноменальной энциклопедической памятью и имел дурную привычку сжигать книги сразу по прочтении. А ещё, «сведущие» судачат, что якобы именно этот самый Потивеган и разбудил «тогда» в недрах Горы то ли дракона, то ли что... И сделал он это то ли посредством какого-то немыслимого агрегата, то ли с помощью некой неслыханной до селе музыки, написанной по неким весьма изощрённым, «невиданным до селе» формулам. Что из этого, правда? В Горе что-то есть?.. там в самом деле кто-то живёт?..

– Как тебе сказать... В каком-то смысле своего рода дракон там некоторым образом есть. Только вряд ли ты его увидишь. А вот услышишь – запросто. Строго выражаясь, это конечно и не дракон вовсе, а некое чудное и опасное стечение обстоятельств. Но простым людям всегда проще сказать «дракон», чем разбираться в чём дело, как оно устроено и кто виноват.

– Дело это давнее и «виновный», как я понимаю, давно почил. Расскажи лучше «как оно устроено»?

– Кстати на счет «почил» – многие, вопреки общепринятому пониманию порядка вещей, как раз очень даже уверены что этот самый Потивеган каким-то немислимым образом существует и по сей день. Ну а по поводу «как оно устроено» – наши представления на этот счёт, всё ещё требуют многих уточнений. Дракон, не дракон, Потивеган, не Потивеган, но кое-что там есть... По всей видимости, вернее «по всей слышимости» это чудом уцелевший после «тех событий» механизм – «Арфа». Это огромный, многосложный музыкальный инструмент, этакое высокоорганизованное сооружение, этакий стационарный органоид, призванный контролировать опасные тектонические тенденции в глубинах Острова. Построена эта Арфа в незапамятные времена, чуть ли не в первые же дни заселения нашего Острова. Дело конечно давнее, представления наши обо всём этом искажены временем и неполны, но вообще-то считается, что без этого самого «агрегата» жизнь наша на Острове тогда была попросту невозможна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.